

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СТАХАНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ

С. Ф. Володин

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Т. А. Володина

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Предметом исследования является опыт осмысления советской отечественной историографией стахановского движения. В статье представлена комплексная характеристика достижений советской историографии в освещении стахановского движения. При анализе работ О. А. Ерманского, С. Р. Гершберга, И. И. Кузьмина, В. А. Сахарова, Р. Я. Хабибулиной и др. авторы исходили с позиций единства предмета исследования, его развития и преемственности. В статье делается вывод о том, что советским историкам, несмотря на известные идеологические ограничения, удалось не только подробно осветить основные слагаемые успешного сдвига в производственной культуре этого периода, но и обозначить препятствия и пределы развития стахановского движения в 1930-е годы. По мнению советских историков, важными предпосылками стахановского движения стали такие новые явления советской экономики, как увеличение энерговооруженности рабочих, рост их технической грамотности, общей культуры, повышение роли материальных стимулов труда. В свою очередь среди основных черт стахановского метода повышения производительности труда они называли: строгую специализацию квалифицированного и вспомогательного труда, рационализацию технологического процесса, осмысление и передачу передового опыта, партийное руководство движением. Вместе с тем в советской историографии были обозначены и негативные стороны, сопровождающие стахановское движение. Вследствие организации стахановских смен, пятидневок, месячников и т.п. нарушалась ритмичность производственного цикла. К тому же стахановская смекалка не могла отменить научные основы инженерного труда, а отдельные трудовые рекорды – необходимость подъема производительности труда у всех работников предприятия на основе технологической и производственной дисциплины. Определенные издержки имела и практика расширения сверх меры прогрессивно-сдельной формы оплаты труда. Тем не менее, стахановское движение сыграло свою роль в утверждении особенного исторического феномена – советского индустриального патриотизма на основе личностного трудового героизма.

Ключевые слова: нормирование труда, производительность труда, рационализаторство, советская историография, социалистическое соревнование, стахановское движение.

SOVIET HISTORIOGRAPHY ABOUT THE STAKHANOV MOVEMENT

S. F. Volodin

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

T. A. Volodina

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The subject of this research is the experience of understanding the Stakhanov movement by Soviet domestic historiography. The article presents a comprehensive description of the achievements of Soviet historiography in the coverage of the Stakhanov movement. When analyzing the works of O. A. Yermansky, S. R. Gershberg, I. I. Kuzminova, V. A. Sakharova, R. Ya. Khabibulina and others, the authors proceeded from the standpoint of the unity of the research subject, its development and continuity. The article concludes that, despite the well-known ideological limitations, Soviet historians managed not only to highlight in detail the main components of a successful shift in the production culture of this period, but also to outline the obstacles and limits of the development of the Stakhanov movement in the 1930s. According to Soviet historians, important prerequisites for the Stakhanov movement were such new phenomena of the Soviet economy as an increase in the energy capacity of workers, the growth of their technical literacy, general culture, and the increasing role of material incentives for labor. In turn, among the main features of the Stakhanov method of increasing labor productivity, they called: strict specialization of skilled and auxiliary labor, rationalization of the technological process, comprehension and transfer of best practices, party leadership of the movement. At the same time, the negative aspects accompanying the Stakhanov movement were also identified in Soviet historiography. Due to the organization of Stakhanov shifts, five-day days, months, etc., the rhythm of the production cycle was disrupted. In addition, Stakhanov's ingenuity could not cancel the scientific foundations of engineering work, and individual labor records – the need to raise the productivity of all employees of the enterprise on the basis of technological and production discipline. The practice of extending the progressive piece-work form of remuneration in excess of the measure also had certain costs. Nevertheless, the Stakhanov movement played a role in establishing a special historical phenomenon – Soviet industrial patriotism based on personal labor heroism.

Keywords: labor rationing, labor productivity, rationalization, Soviet historiography, socialist competition, the Stakhanov movement.

В статье «Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы» О. В. Хлевнюк обозначил важную проблему современной историографии, имеющую отношение к анализу экономических процессов этого времени. Речь идет, в частности, о том, что в ее актуальном состоянии «социальная и культурная истории берут своеобразный реванш после долгих лет преобладающего интереса к политике и экономике. Однако этот реванш, как и любой другой, порождает перегибы: социальное или индивидуальное так же легко становится самодовлеющим, как и политическое или экономическое» [16, с. 73]. Другими словами, существует потребность в изучении процессов развития отечественного народного хозяйства, в котором советский управленческий опыт должен занять свое исторически определенное место. В этой связи кажется отнюдь не случайным нарастающий интерес современных историков к яркому и противоречивому феномену тридцатых годов прошлого века – стахановскому движению, причем в известной мере повторяя определенные этапы в его изучении. Это – публицистически окрашенное внимание к личности Алексея Стаханова, вообще к феномену движения [5]; попытки нового прочтения явления [10; 11], исследовательский интерес к его отдельным аспектам [9; 17], в том числе региональным и отраслевым особенностям [1; 6; 7]. Очевидно, для более углубленного понимания стахановского движения требуется серьезное продвижение прежде всего в отношении теоретического осмысления огромного эмпирического массива данных. И немалую пользу здесь может принести обращение к историографическому опыту советских историков, которые сумели раскрыть важнейшие стороны движения, его предпосылки и последствия. Поэтому, исходя из обозначенной предметной стороны, мы видим цель настоящей статьи в том, чтобы проследить эволюцию изучения стахановского движения со стороны советской историографии, понять возможности и границы ее творческого развития.

Стахановскому движению предстояло стать высшей формой социалистического соревнования в тридцатые годы. Поэтому изначально было неизбежно обращение к пафосной интонации текстов начала первой пятилетки, пропагандирующих

достижения ударников того времени. В частности, были опубликованы многочисленные очерки журналистов, освещавшие жизненный и производственный путь выдающихся стахановцев. Вышли в свет содержательно и литературно обработанные воспоминания главных героев движения. Так, из рассказа А. Стаханова (1937 г.) вырисовывался образ типичного сельского паренька, направившегося на приработки в шахту и не желавшего связывать себя в дальнейшем с горным производством. «Скажу откровенно: шахты я боялся страшно и все припоминал слова деда: «шахта – это каторга, убьешь силу свою зря, пропадешь...» [14, с. 10]. В самом деле, вхождение в производственный процесс молодого шахтера было отнюдь не гладким. И все же прошедший школу напряженного сельского труда, Алексей достаточно быстро вошел в русло горного производства. Уже через три месяца он работал коногоном, сразу обозначив высокую выработку, в чем ему опять же помогали навыки сельской жизни.

В своих воспоминаниях Стаханов отразил и достаточно неприглядную бытовую сторону начала своей шахтерской жизни. «Ирминский рудник тогда совершенно не был похож на нынешний. Это был грязный поселок. Шлялось много хулиганов, часто бывали пьянки, драки» [14, с. 15]. Тем не менее, под влиянием индустриализации производственный процесс на шахте начал меняться. К началу сентября 1935 г. на шахте в работе было 95 отбойных молотков, 4 электровоза, 4 компрессора общей мощностью 102 кубометра воздуха в минуту. Правда, организация труда на шахте желала оставлять лучшего. Сам Стаханов уже с начала первой пятилетки начал работать как отбойщик за врубовой машиной. А с 1933 г. Алексей начинает осваивать отбойный молоток, повысив эту квалификацию на четырехмесячных курсах. Став отличником по гос-техэкзамену, он уже сам помогал другим шахтерам освоить технику горного дела, стал выделяться среди других горняков, почувствовал профессиональную силу. Поэтому именно к Стаханову была обращена партийная инициатива по организации ударного труда, а Алексей, хорошо зная недостатки организации своего труда, предложил пути повышения его эффективности. Это – удлинение фронта работы во всю лаву, разделение труда забойщика и крепильщиков, не в последнюю очередь, снабжение всем необходимым.

Как отмечал Стаханов, товарищи по работе, опытные старые горняки сразу поняли главный «секрет» его успеха: разделение труда, создание благоприятных условий. Понятно также, что такой рекорд требовал серьезных морально-волевых, физических усилий. Поэтому пленум шахтпарткома не только констатировал, что Стаханов А. Г. в ночь с 30 на 31 августа за свои рабочие 6 часов установил мировой рекорд производительности отбойного молотка, дав 102 тонны угля. Пленум постановил выдать рекордсмену премию в размере месячного оклада жалованья, а также предоставить ему оборудованную мебелью квартиру, выделить семейную путевку на курорт [14, с. 26]. И подобное поощрение также было новым словом в организации эффективного труда. Как высказывался молодой передовик, «с новым методом можно завалить страну углем, много зарабатывать денег и жить зажиточно» [14, с. 32].

Советская историография с самого начала рассматривала стахановское движение сквозь призму поступательного движения советской экономики, рубежи которого определялись самой логикой индустриального развития. Именно развитие технической базы советской промышленности, отмечал И. И. Кузьминов (1940 г.), вызвало к жизни творческие импульсы новаторов производства не только в отношении преобразования условий использования новой техники, но и самой технической базы. «Технологическое творчество стахановцев показывает такое глубокое проникновение в технологию и такие результаты, *которые означают новое слово в мировой технике*» [4, с. 17]. Принципиально, по его мнению, что это стало возможно вследствие качественных сдвигов в составе рабочих кадров. Так, приводит данные автор, удельный вес неквалифицированных рабочих в мартеновском производстве снизился с 47,8 % в 1927 г. до 22,6 % в 1934 г. Замена клепки сваркой определила рост группы сварщиков

почти в 14 раз [4, с. 73, 74]. Причем эти качественные сдвиги сопровождались массовым процессом обучения рабочих главным образом без отрыва от производства.

Содержание стахановского движения заключалось в выходе «за пределы установленных при проектировании новых заводов проектных мощностей и лежащих в их основе норм использования техники» [4, с. 96]. Тем самым создавались предпосылки для внедрения новых норм, учитывающих достигнутый уровень развития техники и кадров. В частности, на заводах должен был существенно увеличиться коэффициент использования мощности станочного оборудования. И на ряде конференций машиностроения в начале 1936 г. было признано необходимым повышение скоростей обработки на различных металлических работах от 40 до 100 % [4, с. 105]. В этой же отрасли от 29 до 55 % увеличивались нормы выработки рабочих. Затем такой пересмотр был в 1937 и 1938 годах. При этом, как подчеркивал автор, в основе роста норм лежало творческое применение стахановских методов работы. Это – улучшения в организации труда, в организации рабочего места, это – интенсификация работы машин и агрегатов. «По мере развития стахановского движения стахановцы переходят к выявлению и использованию более глубоких резервов, лежащих уже в области творческого изменения технологических процессов и орудий труда. От изменения условий работы машин стахановцы перешли к изменению самой машины, от производственного освоения техники – к изменению техники в процессе производства» [4, с. 116]. Так, например, И. Гудов применял метод одновременной обработки на одном станке большого количества деталей, используя для этого специальные приспособления, а также метод одновременного производства на одном станке ряда операций. «Развитие стахановского движения потребовало увеличение производительности врубовки. Увеличение скорости подачи, примененное стахановцами-врубмашинистами, поставило вопрос об использовании более стойких материалов для режущей части машины. Увеличение скорости подачи и увеличение бара в свою очередь поставили вопрос об увеличении мощности мотора» [4, с. 122–123]. А поскольку во всех отраслях промышленности имел место процесс развития стахановских методов в сторону все большего применения технологической рационализации, то возникла потребность в тесном содружестве инженеров и стахановцев в разработке новых методов.

Надо отметить, что в конце 30-х гг. усиливается критический импульс в отношении анализа проблем советской экономики. В преддверии войны страна нуждалась в более эффективном уровне организации промышленного производства, поэтому в повестку дня выносился широкий круг вопросов, касающихся реальных препятствий эффективному труду. Не остался в стороне от этой задачи И. И. Кузьминов. «Культурная, слаженная работа всего предприятия как единого комплекса, – отмечает он, – далеко еще не стала общим явлением. Наоборот, в очень многих случаях все еще в ходу работа рывками, приводящая к простоям и снижающая использование оборудования и рабочей силы» [4, с. 189]. Критике с его стороны была подвергнута практика завышенных штатных нормативов. В частности, одной из главных причин разбухания вспомогательного персонала стала децентрализация и неудовлетворительная, кустарная организация ремонта. К тому же далеко не в полной мере на производстве укоренились процессы механизации, в особенности в отношении ее комплексности [4, с. 191–195]. И все же отнюдь не критика была целью автора. Для него стахановское движение было главным образом провозвестником очертаний будущего социального строя. В творческом труде стахановцев, очевидно, прослеживались начала ликвидации враждебной противоположности между умственным и физическим трудом.

Пожалуй, одним из наиболее полных исследований феномена стахановского движения в 30-е гг. стала монография О. А. Ерманского (1940 г.) [3]. С самого начала своей научной деятельности он выступал против той стороны тейлоровской практики, которая была направлена главным образом на повышение физической и нервной интенсивности труда. И как раз в стахановском движении он видел мощное средство

утверждения наиболее рациональных методов организации индивидуального и коллективного труда, способствующих росту его эффективности без изнуряющих последствий. Подлинным стахановцем, по его мнению, мог быть лишь тот, кто лучше, рациональнее организовывал свою работу. Если в годы первой пятилетки тогдашние ударники проявляли трудовой пафос главным образом через напряжение воли, то в период стахановского движения люди горели пафосом рациональных методов использования новой техники [3, с. 23]. Вместе с тем такой подход означал сосредоточение внимания на скрытых резервах производства, а, значит, и критику существующих обыкновений в его организации. Вполне осознавая это, О. А. Ерманский весьма искусно выстраивал свое повествование, дозируя в своем анализе позитивные и критические аргументы.

В системе теоретических построений ученого самой высокой оценки заслуживал ключевой стахановский метод узкой специализации. Этот метод «помогал «овладеть техникой» и в смысле использования орудия труда, и в смысле лучшего приспособления психофизиологического аппарата человека благодаря одинаковости повторных рабочих движений» [3, с. 29]. С другой стороны, О. А. Ерманский продолжал критиковать практику технического нормирования труда, не учитывающую психофизиологию человека. Он резко возражал против бумажного определения норм в ходе отраслевых конференций 1936 г., когда в расчет бралось лишь предполагаемое в будущем улучшение производства. Вместе с тем, признавал он, подобная практика на самом деле сопровождалась невысоким уровнем повышения норм. Кроме того, здесь открывалась известная всем «тайна». Многие хозяйственники вели учет выполнения норм не по календарному, а по отработанному времени. Тем самым скрывались огромные потери рабочего времени в простоях [3, с. 252].

Стахановское движение вызвало к жизни мощный подъем производительности труда в первом стахановском году, 1936-м. Однако план 1937 г. по ключевым отраслям промышленности уже не был выполнен. Причины этому крылись в общих недостатках промышленного производства. Можно было создать благоприятные условия на отдельных участках для отдельных стахановцев, но обеспечить устойчивую эффективную работу по всему производственному циклу было невозможно. Губительные последствия для производства имела практика организации стахановских смен, пятидневок, декад и других подобных форм. «Вот эта штурмовщина, освобождающая руководителей производства от обязанностей *регулярной* работы по организации, сыграла немалую роль в тех неблагоприятных цифрах, которыми характеризуется ход и исход стахановских суток...» [3, с. 259]. Как пояснял автор, такие штурмы подразумевали чрезмерную напряженность труда, но не постоянный уровень работы стахановскими методами.

Следуя базовой партийной установке, основную причину в недостатках организации стахановского движения О. А. Ерманский видел в «линии наименьшего сопротивления» ИТР. То есть, уточнял он, в деятельности технической и хозяйственной администрации, которая избегает «усилий, хлопот, забот» в отношении «линии наибольшей эффективности». Содержание первой линии заключалось в «антимеханизаторстве», в упоре на штурмовщину, на повышение интенсивности труда. Все эти явления, конечно, противоречили сути стахановского движения. Например, суть «антимеханизаторства» заключалась в том, что «*спокойнее работать без механизмов*, пользуясь ручным трудом, живой рабочей силой. На нее можно возложить и организацию своего рабочего места, и обслуживание его, и работу без простоев, и режим работы» [3, с. 296]. И тот же порок заключался в надежде на усиление интенсивности труда. «Легче, конечно, интенсифицировать труд, механически повышая нормы выработки, чем повышать производительность труда путем рациональной организации, которая требует *знаний, забот и упорной работы*» [3, с. 300]. Что и говорить, О. А. Ерманский здесь обозначал общесистемный порок в организации производственного процесса, а не только на его рядовом уровне. Однако автор, конечно, не покушался на

столь радикальные выводы, отдавая положенную дань традиционной для второй половины тридцатых годов теме «вредительства». Правда, под эту рубрику он виртуозно подводил не только распространенные пороки промышленного производства, но также пороки самой кампании по борьбе с вредительством, уже осужденные на официальном уровне или на страницах центральной печати.

В ряду разных форм социалистического соревнования именно стахановскому движению отводилось особое место, и советская историческая наука должна была выстроить адекватную политическому заказу исследовательскую конструкцию, отражающую это выдающееся явление советской экономики второй половине 30-х годов. Естественно, что в этом деле историки в сороковые-пятидесятые годы следовали за работами советских экономистов, детально осветивших разные грани движения стахановцев. Их задача заключалась в том, чтобы выявить главные, имеющие идеологическое значение, черты движения, показать их преломление на региональном материале. Так, в статье Н. Нефедьева (1941 г.) приводились известные аргументы о том, что к началу движения в стране было произведено качественное преобразование технической базы промышленности. Энерговооруженность советского рабочего к 1935 г. поднялась по сравнению с 1929 г. в 2 раза. С другой стороны, «рост кадров, способных оседлать новую технику, еще сильно отставал от роста техники. ... Партия проделала колоссальную разъяснительную работу в массах, развернула широкую деятельность по организации технической учебы и повышению квалификации рабочих, по созданию технической интеллигенции» [8, с. 32]. Как следствие, на заводах существенно возросла доля квалифицированной рабочей силы. Улучшилось материальное благосостояние трудящихся. Поэтому трудовая победа А. Стаханова отнюдь не была случайным явлением. «Она являлась результатом овладения новой техникой, напряженной борьбы за увеличение производительности труда, она была следствием вдумчивого подхода к работе» [8, с. 35]. Началось массовое стахановское движение. Появились школы стахановских методов работы, активизировалась рационализаторская и изобретательская мысль рабочих, развернулось многостаночное движение.

Хотя в статье В. Селицкого (1951 г.) опыт развертывания стахановского движения анализировался на региональном материале, основные аргументы общепринятых положений в ней воспроизводились в полной мере. В частности, В. Селицкий говорил о таких источниках движения, как неуклонный подъем материального благосостояния, перелом в отношении к труду, наличие новой техники [13, с. 31–32]. Кроме того, в начале второй пятилетки по инициативе партийных организаций проводились эффективные кампании по пересмотру технических норм, снижению себестоимости продукции, по уменьшению брака и т.п. В эти же годы в стране развивались такие новые формы соревнования, как бригадный техпромфинплан, общественный технический экзамен, изотовское движение. Был выдвинут лозунг: «Главное в людях, овладевших техникой!». «Сталинский лозунг «овладеть техникой» получил широкий отклик снизу, вызвал могучий трудовой подъем, который привел осенью 1935 г. к рождению стахановского движения, а непосредственно перед этим вылился в новую форму социалистического соревнования – движение отличников» [13, с. 35]. Значительно менялся в лучшую сторону и общий культурный облик рабочего класса. Таким образом, к осени 1935 г. условия для возникновения стахановского движения были уже налицо.

Естественно, отмечал В. Селицкий, такое мощное движение не могло развиваться без активной поддержки центральных партийных и хозяйственных органов. Так, по указанию обкома ВКП (б) на предприятиях Ленинграда 15 – 16 сентября 1935 г. были проведены массовые читки передовой статьи «Правды» от 14 сентября и обсуждение материалов о стахановском движении в Донбассе. И уже в том же месяце из многих предприятиях города шли сообщения о стахановских рекордах. Среди них – достижение работника фабрики «Скороход» Н. Сметанина, поставивший рекорд производительности труда на затяжке носка обуви. «В конце сентября и в течение первой

декады октября стахановское движение нашло своих первых последователей на 23 крупнейших предприятиях Ленинграда. На этих предприятиях к 10 октября 1935 г. насчитывалось 484 стахановца» [13, с. 40–41]. При этом, акцентировал автор, зачинателями рекордов выступали рабочие-коммунисты, а организаторами рекордной работы беспартийных рабочих были партторги цехов. Также большую роль в осуществлении партийного руководства стахановским движением играла печать: «Ленинградская правда» и фабрично-заводские многотиражки. С целью активизации движения городскими партийными организациями были подготовлены и проведены, инициированные повсеместно, слеты стахановцев.

Составной частью руководства движением являлась «борьба с попытками саботажа стахановского движения» как со стороны прямого классового врага, так и тех элементов из административно-технического персонала, которые неспособны были по-новому организовать производств. «Враждебные вылазки классового врага проявлялись в форме клеветы на стахановцев, в открытых или скрытых угрозах физической расправы над ними и даже, в отдельных случаях, – осуществления угроз... На отсталых рабочих враги пытались воздействовать измышлениями, что развитие стахановского движения изнурит рабочих физически, понизит их заработную плату, вызовет безработицу» [13, с. 43]. Вот почему городская партийная организация требовала окружить стахановцев заботой и вниманием, повседневно учитывать их производственные нужды, помогать преодолевать трудности в работе. И партийная директива воплощалась в жизнь: лучшим стахановцам предоставлялись новые, благоустроенные квартиры, оказывалась помощь в меблировке квартир. На эту заботу стахановцы отвечали новыми трудовыми успехами, их ряды пополнялись новыми работниками. Если по состоянию на 10 окт. 1935 г. в ленинградской промышленности таковых было 484, то через месяц – уже почти 40 тысяч [13, с. 45].

Следуя сталинскому определению главных черт передовиков нового движения, автор попытался дать более подробную характеристику этих черт стахановцев. Это – стремление сделать то, что сделал Стаханов, т.е. быть передовиком. Это – знание своей машины, стремление преодолеть узкие места в производстве. Это также – стремление передать свой опыт отстающим товарищам. А это было возможно только на основе технического и общекультурного роста передовика. Именно такими чертами обладали выдающиеся ленинградские стахановцы Е. Т. Мартехов, Н. С. Сметанин, И. Клепиков [13, с. 48–50]. С точки же зрения производственно-технического содержания, в стахановском движении, отмечалось В. Селицкими, явственно выступали четыре основных принципа. Первый – новое разделение труда наряду с лучшей организацией рабочего места, улучшением снабжения материалом, инструментом. Второй – тщательная рационализация всех движений рабочего в процессе труда. Именно эта черта особенно ярко сказалась в методах работы Н. Сметанина. Третий принцип – рационализация технологического процесса: изменение последовательности операций, отказ от ряда операций, одновременное совмещение прежде следовавших друг за другом операций, замена одной операции другой, изменение режима операции. Наконец, одним из наиболее эффективных принципов стахановского преобразования производства явилось изменение самих орудий производства, машин. А в целом единое техническое содержание стахановского движения выразилось в стремлении максимально усилить работу оборудования, машин и этим добиться большей производительности труда [13, с. 50–51]. Тем самым стахановское движение знаменовало собой начало практической реализации великой цели ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом.

В статье Г. А. Чигринова (1952 г.) стахановское движение рассматривалось уже в годы начавшейся третьей пятилетки и также на основе регионального материала – Москвы и Московской области. При этом и заглавие, и содержание работы отражали важный сдвиг в процессе развития стахановского движения. Пафос первых двух лет

движения в немалой степени схлынул, и движение модифицировалось в одну из рутинных производственных кампаний, в очередной раз адаптированных к насущным проблемам производственной жизни. Широкое распространение, в частности, получили так называемые стахановские школы. Например, на автомобильном заводе имени Сталина с конца 1939 г. по апрель-май 1940 г. работало около 300 стахановских школ, обучивших более 700 рабочих [18, с. 9]. Свою роль в распространении стахановского опыта также играли технические конференции, на которых рассматривались вопросы повышения качества продукции и снижения ее себестоимости.

Летом 1939 г. в стране в очередной раз была инициирована кампания по развитию движения многостаночников. В Москве этому начинанию был дан старт на заводе «Фрезер», а затем этот опыт был распространен на другие промышленные предприятия столицы. И уже в течение нескольких месяцев движение многостаночников стало массовым. Также в предвоенные годы серьезное внимание было уделено развитию рационализаторства и изобретательства, обмену накопленным производственным опытом. Как подчеркивал автор, московская партийная организация настойчиво боролась в 1939 – 1941 гг. за укрепление трудовой и технологической дисциплины. Составной частью этой борьбы стало особое внимание к строгому соблюдению технологических режимов и негативных последствий штурмовщины [18, с. 23–26]. И хотя автор об этом прямо не говорил, отчасти это было направлено против крайностей как раз стахановского движения с его штурмовой практикой. При этом меры по укреплению дисциплины увязывались с борьбой за повышение рентабельности предприятий, за режим экономии. «В ходе борьбы за режим экономии и за выполнение графика повысились культура, возросли порядок, ритмичность, плановость, была в основном изжита штурмовщина в работе предприятий» [18, с. 27]. Как результат, рост объема продукции Москвы и области за первые три года третьей пятилетки составил более 50 %.

В первую половину 1960-х гг. появляются исследования, прослеживающие особенности реализации курса форсированной индустриализации на региональном уровне. Среди них отметим монографию Р. Я. Хабибулиной (1961 г.), посвященную анализу партийного руководства стахановским движением в г. Ленинграде [15]. Дело в том, что от состояния дел в Ленинграде в немалой степени зависел общий тонус советской промышленности. Поэтому руководители городской партийной организации старались соответствовать масштабу требований, быть в авангарде передовых начинаний в организации труда. В частности, накануне рождения стахановского почина здесь успешно была проведена кампания по сдаче рабочими государственных технических экзаменов (ГТЭ). За 1935 г. на заводах тяжелой промышленности города было охвачено технической учебой более 80-ти тыс. человек, 98 % общего состава рабочих. Из них сдали экзамены почти 100 %, причем 68,6 % получили хорошие и отличные оценки [15, с. 32]. Как следствие, рост технической подготовки рабочих кадров положительно сказывался на состоянии производительности ленинградских предприятий. Правда, попытки внедрения форм соревнования, направленных на кардинальное улучшение качественных показателей производства не могли найти массового отклика на низовом уровне («отличничество», отказ от государственных дотаций). И не потому только, что, как отмечала автор, здесь помехой, как для «отличничества», выступало отсутствие адекватных форм поощрения. Вся совокупность действовавших производственных отношений не могла не воспроизводить логику количественных ориентиров в экономическом поведении субъектов производства. Именно поэтому стахановский почин и стал в это время наиболее адекватной формой мобилизации работников на достижение рекордных показателей выработки.

Рекорд А. Стаханова достаточно быстро был подхвачен на ленинградских предприятиях. Уже 21 сентября 1935 г. Н. Сметанин, переплетчик ленинградской фабрики «Скороход», обработал на перетяжной машине 1400 пар обуви при норме 650 пар, став застрельщиком стахановского движения в обувной промышленности. К концу

октября на этом предприятии насчитывалось 1287 стахановцев, в начале ноября – 2 тысячи, что составило 20 % коллектива фабрики [15, с. 50]. Хотя и в меньшем масштабе стахановское движение стало распространяться и в других отраслях ленинградской промышленности. При этом на городском слете стахановцев, на последовавшем за ним городском партийном форуме были озвучены предостережения против «опошления движения». В частности, осуждалась организация бесперебойной работы рекордсменов за счет простоев и перебоев в работе остальных рабочих [15, с. 63].

Между тем провозглашенные руководством ВКП (б) в декабре 1935 г. директивы о необходимости качественного расширения стахановского движения и пересмотре на этой основе норм должны были быть выполнены, прежде всего, на передовых предприятиях советской промышленности. На более качественный уровень предстояло поднять техническую учебу рабочих. В связи с этим С. Орджоникидзе издал приказ от 26 января 1936 г. о техническом обучении рабочих без отрыва от производства. Так, для рабочих, сдавших ГТЭ в 1935 г., организовывались курсы повышенного типа – стахановские курсы. Впрочем, отмечала Р. Я. Хабибулина, формы передачи передового опыта были весьма многообразны. Это – шефство стахановца над молодым рабочим, индивидуальная помощь, обмен опытом на производственных совещаниях, лекции в клубах, выступления на радио и т.д. С другой стороны, отмечала автор, «на некоторых предприятиях Ленинграда техническая учеба была поставлена плохо: имелись еще элементы формализма, казенщины, учеба не связывалась с практическими задачами бригады, участка, цеха, завода» [15, с. 118]. В свою очередь качественному расширению движения должны были служить такие его формы, как проведение стахановских смен, суток, пятидневок, декадников. «Значение их было в том, что они вскрывали подлинные производственные возможности заводов, на них проверялось умение командиров производства по-новому организовывать производство» [15, с. 121].

Примеры проведения в жизнь этих новых форм движения в Ленинграде отражали общие закономерности советского производства. Разовые успехи, достигнутые за счет чрезвычайной мобилизации ресурсов, не могли быть устойчивыми во времени. К тому же достигнутые количественные показатели не сочетались с желаемыми качественными характеристиками выпускаемой продукции. И суть этого феномена, конечно, заключалась не «в отсутствии должного руководства», как полагала автор, а в принципиальной невозможности перевода штурмового порыва в устойчивый ритм труда на основе существующих форм организации производства и его технической базы. В этом отношении пересмотр норм выработки имел гораздо более значимое влияние на меру интенсивности труда советских рабочих. В частности, на Кировском заводе нормы были повышены на 35 %, на фабрике «Скороход» – на 34,3 %. В марте-апреле 1936 г. на заводах Ленинграда было инициировано соревнование под лозунгом освоения повышенных норм. Тогда же в коллективах Кировского завода, им. Ленина, «Электросила» стала распространяться новая форма движения – выпуск стахановских машин, агрегатов. Это означало, что на заводах с длительным производственным циклом выделялись важные и сложные заказы, работа над которыми организовывалась «по-стахановски». А затем на этой основе возникли сквозные стахановские бригады, соревнование конвейеров.

В целом же успехи стахановского движения в Ленинграде были налицо. К июню 1936 г. на предприятиях города насчитывалось уже 180 тыс. стахановцев. Производительность ленинградских машиностроителей за 7 месяцев 1936 г. увеличилась на 50 %; на Кировском заводе прирост продукции составил 61,3 % [15, с. 147–148]. Правда, в «грознном» постановлении Ленинградского обкома ВКП (б) от 5 апреля 1936 г. констатировались факты бюрократического опошления стахановского почина на ряде предприятий города. Зачастую оно превращалось в набор схем или вообще предоставлялось самотеку. Действительно, формально-бюрократический подход, «потеря вкуса» к движению не могли не привести к определенным барьерам на пути

его развития. Поэтому отнюдь не случайно городской комитет партии отмечал ухудшение работы целого ряда предприятий города в августе-сентябре 1936 г. К тому же, по мнению исследователя, надо было принимать во внимание обстоятельства времени: стахановцы 30-х гг. повышали свою производительность за счет полного использования имеющейся техники. Требовать же от них совершенствования техники, как предлагалось на Кировском и Металлическом заводах, это было проявлением бюрократической «маниловщины» [15, с. 152].

Между тем подспудные изменения в советской историографии 60 – 70-х гг. имели отношение и к освещению стахановского движения. Особого внимания в этой связи заслуживают работы авторов, активно работающих прежде в качестве журналистов в годы индустриальных преобразований. Теперь они публиковали книги, в которых попытались соединить как достоинства образной публицистики своего прежнего журналистского опыта, так и требований собственно научного анализа. Так, С. Р. Гершберг в центр своего повествования поставил историю возникновения и развития стахановского движения, тесно связанного с новаторством первой пятилетки (первое издание – 1981 г.) [2]. «В ходе развертывания изотовского движения, – отмечал он, – выявилась огромная тяга рабочих к приобретению квалификации. На многих предприятиях начали создаваться кружки по изучению технического минимума. Сами рабочие требовали установления обязательного минимума знаний, в первую очередь для важнейших профессий» [2, с. 30]. Эта тяга рабочих соответствовала потребностям нового этапа советской индустрии, в том числе на Донбассе. Ведь повышенные производственные задания даже при насыщении шахт механизмами могли быть выполнены при сокращении разрыва между низким уровнем средней производительности и высокой производительностью передовых рабочих. В основе этого разрыва, по С. Р. Гершбергу, лежало несколько причин. Прежде всего, это – недостатки технического руководства, оборачивающиеся несоблюдением графика работ, простоями и авариями подземного транспорта. «Но были и более глубокие причины, коренившиеся в самой системе работ по добыче угля, в значительной мере устаревшей... Среди причин, тормозивших рост производительности труда, особую остроту в тот период приобрели две: недостаточный фронт работы и отсутствие разделения труда в работе» [2, с. 39]. Теперь углубление процесса механизации Донбасса создало предпосылки для практического воплощения «метода Стаханова».

Новаторство не ограничилось угольной отраслью. Свои стахановцы выдвинулись в машиностроении, металлургии, легкой и пищевой промышленности. И хотя в каждой отрасли промышленности и транспорта была своя специфика, всех новаторов отличало глубокое овладение техникой своего дела. Как отмечал автор, на первом Всесоюзном совещании стахановцев обосновывался ряд ведущих методов высокопроизводительного труда. Это – разделение труда, увеличение рабочего времени, количества обслуживаемых станков, а также интенсификация работы машин и агрегатов [2, с. 102–103]. Вместе с тем для реального воплощения этих методов нужна была критическая оценка установленной технологии, системы планирования. Необходимо было пересмотреть практику материально-технического снабжения, начисления заработной платы и т.д. Требовалось активное вовлечение в движение инженерно-технических работников [2, с. 107].

Впредь в качестве первоочередной выдвигалась задача перехода от отдельных рекордов к увеличению выпуска продукции в масштабе всего предприятия. При этом формами коллективной работы в этот период выступали стахановские смены и сутки, а также увеличение выпуска продукции с наличного оборудования предприятий. Как отмечал автор, на пути этого живого дела возникли серьезные трудности. «Кое-где в погоне за цифрой, за процентом переименовывали в стахановцев отдельных рабочих и целые бригады, не изменившие методов своей работы, устанавливали «контрольные цифры» увеличения числа стахановцев» [Там же, с. 119]. И все же главное значение имел факт утверждения на основе стахановского движения более высоких норм

выработки. В конечном счете, это определяло макроэкономический эффект. Если в 1933 – 1935 гг. максимальный прирост выработки на одного работника крупной промышленности не превышал 15,6 %, то в 1936 г. производительность труда в промышленности выросла на 26,1 % [2, с. 162]. Впрочем, С. Р. Гершберг не обошел без внимания и фактов своеобразного приглушения столь пафосного движения. С трибун зазвучала критика «голого рекордсменства», создания «тепличных условий» для передовиков-стахановцев. Все большее внимание в экономике начинали уделять системным вопросам хозяйствования – цикличности, трудовой дисциплине, более нейтральным формам социалистического соревнования [2, с. 172, 176–178]. Для автора было очевидно, что движение уходило с авансцены политико-хозяйственного обеспечения первоочередных задач советской экономики.

Действительно, методологические рамки, относящихся к рассмотрению вопросов развития советской экономики, уже в семидесятые годы начинают терять присущую им жесткость, даже в рамках так называемого историко-партийного подхода. В полной мере это относится к исследованию В. А. Сахаровым феномена стахановского движения на примере автотракторной промышленности (1985 г.) [12]. Разумеется, автор следовал всем основным идеологическим клише, но ценность проделанной работы заключалась в рассмотрении движения сквозь призму рациональных поведенческих практик на основе обобщения существенного массива эмпирических данных. Так, он обращал внимание на то, что стимулирующая роль денег в годы первой и в начале второй пятилетки не могла получить широкого распространения. И лишь отмена продовольственных карточек в 1935 г. создала объективные условия для проявления мощного мотивационного фактора денег. Кроме того, кардинальное изменение производственно-технического аппарата советской промышленности в годы первой пятилетки было дополнено в начале второй пятилетки широким движением технического обучения рабочих. Так, в 1934 г. до 50 % всех рабочих автотракторной промышленности оказалось охвачено обучением в системе техминимума, и к 1 июня в автотракторной промышленности ГТЭ сдали 40 400 рабочих [12, с. 22–23]. Подавляющее большинство рабочих отрасли выполняло и перевыполняло нормы выработки. И, кроме того, в отрасли был накоплен опыт организации соревнования. К середине 1935 г. среди соревнующихся рабочих отрасли до 73 – 75 % квалифицировались в качестве ударников; 27 % рабочих автомобильных и 22 % тракторных заводов входили в состав хозрасчетных бригад [12, с. 26]. «Накопившиеся подспудно, в течение ряда лет навыки, знания, умение должны были вызвать качественный скачок во всей совокупности методов работы... Он должен был проявиться в резком повышении производительности труда сразу у значительной части рабочих, а не у отдельных мастеров труда, как это имело место ранее (выд. автором – С. В.)» [12, с. 27]. К тому же развертывание движения в отрасли обуславливалось как необходимостью выполнения более напряженных производственных заданий, так и мощным импульсом стахановского примера.

Летопись стахановского движения в автотракторной отрасли начинается с рекордной выработки кузнецов Горьковского автомобильного завода. Ценность почина кузнеца ГАЗ А. Х. Бусыгина заключалась в том, что, как и ряд других пионеров движения, он смог найти практические средства реализации стахановской идеи в условиях отдельного производства. «Суть нового метода работы состояла в правильной расстановке сил в бригаде, уплотнении рабочего дня, увеличении машинного времени, усилении режимов работы молота и в сокращении времени за счет устранения лишних движений и большей их ритмичности» [12, с. 32]. Эти усилия были поддержаны материальным вознаграждением. Бусыгину была предоставлена квартира с полной обстановкой.

С 1 октября 1935 г. в производственных цехах вводилась прогрессивно-сдельная оплата труда, и для поощрения стахановцев были выделены соответствующие денеж-

ные средства. Беспрецедентная производственно-политическая кампания, развернутая на всех предприятиях отрасли, способствовала тому, что к концу сентября 1935 г. стахановское движение охватило все основные заводы автотракторной промышленности [12, с. 32–35]. Дальнейшему расширению движения содействовал целый комплекс не только пропагандистских, но и организационно-политических мер, проводимых через парткомы и профкомы цехов и заводов. В частности, для обмена опытом завкомы рекомендовали на цеховых собраниях заслушивать доклады стахановцев об их методах, внедрять опыт работы комплексных бригад, намечали меры по организации общеобразовательной учебы стахановцев. Профкомы, отмечал В. А. Сахаров, настаивали на недопустимости самовольного пересмотра норм выработки, что могло привести к дискредитации стахановского движения [12, с. 38–39]. Кроме того, для расширения стахановского движения необходимо было подключение к нему широких слоев инженерно-технических работников. Этой цели служили цеховые и заводские слеты стахановцев, технические конференции ИТР, совещания стахановцев и ИТР, на которых принимались соответствующие решения об изменениях в организации труда и производственного процесса. И наиболее эффективной формой их реализации были комплексные бригады, содействовавшие созданию условий для максимального использования оборудования [12, с. 40–41].

Размышляя над причинами утверждения стахановского движения, В. А. Сахаров подчеркивал, что хотя в нем переплетались элементы инициативы рабочих «снизу» и организации «сверху», оно было, прежде всего, процессом организованным и не могло быть другим. Одновременно движение стахановцев имело громадное воспитательное значение. Оно «способствовало повышению у советских людей веры в свои силы и уверенности в победе над внешними врагами..., развитию чувства патриотизма» [12, с. 46]. Вместе с тем, судьба движения, отмечалось в монографии, зависела главным образом от его влияния на общее состояние производства. А это подразумевало, в конечном счете, повышение норм, о чем правительство и поведало на Первом Всесоюзном совещании в Кремле в ноябре 1935 г. Последовавшие затем отраслевые конференции уже определили конкретные параметры повышенных норм выработки. «Стахановское движение, – смягчал суть коллизии В. А. Сахаров, – обеспечивало повышение производительности труда за счет максимального использования самой техники, а не чрезмерных темпов работы» [12, с. 57]. Новые нормы были введены в отрасли в апреле-мае 1936 г., правда, как выяснилось, отдельные нормы были увеличены «неоправданно». Поэтому при пересмотре норм в апреле уже 1937 г. эти недостатки были устранены, и «...к концу 1937 г. подавляющим большинством рабочих новые нормы были успешно освоены» [12, с. 59]. При этом, как отмечал В. А. Сахаров, в 1936–37 гг. материально-бытовое обслуживание стахановцев практиковалось в гораздо большем масштабе, чем в 1935 г. «На Горьковском автозаводе к концу 1937 г. уже 800 семей стахановцев получили жилплощадь в новых благоустроенных домах «бусыгинского» квартала. Практиковались ремонт комнат и квартир стахановцев за счет завода, как например на Московском автозаводе, а также выдача стахановцам безвозвратных ссуд для ремонта жилья (на ЯАЗ, ККАРЗ и других заводах» [12]. Стахановцам в первую очередь выдавались путевки в дома отдыха, их также премировали дефицитными товарами, а лучшие из них стали владельцами автомашин. Вместе с тем, ключевую роль в стимулировании стахановской работы играла индивидуальная сдельная форма оплаты труда, в особенности ее прогрессивная разновидность. И здесь обнаружились определенные издержки. Неоправданное расширение сверх определенной меры прогрессивно-сдельной формы оплаты труда оборачивалось перерасходом фонда заработной платы. Становилось ясно, что эту форму было экономически оправданно вводить на наиболее важных производственных участках производства. Поэтому в 1937 г. произошло сокращение доли рабочих, оплачиваемых подобным образом. Кроме того, прогрессию стали исчислять за перевыполнение не сменной нормы выработки, а за платежный период (12 дней) [12, с. 60–61].

Как всякое динамичное и сложное явление, стахановское движение, по мнению автора, не могло не обнаруживать в своем развитии ряд трудностей и недостатков. Свои позиции утрачивало ударничество. Кроме того, «в 1936 – 1937 гг. особую опасность для стахановского движения представляло увлечение подготовкой рекордов, хотя бы и массовых, в ущерб созданию условий, позволявших всем рабочим постоянно работать по-стахановски» [12, с. 69]. По мнению В. А. Сахарова, стахановское движение имело дальнейшую перспективу в своем развитии, заключающуюся, прежде всего, в переходе к стахановским методам второго поколения. Ведь методы первого поколения (уплотнение рабочего дня, увеличение режимов работы оборудования) имели свои естественные ограничения. Поэтому важно было перейти к совершенствованию технологических процессов на основе технического творчества передовых рабочих, в чем и заключалась суть стахановских методов второго поколения. Однако, сам автор был вынужден согласиться с тем, что этот метод в годы второй пятилетки не получил широкого распространения. Применение второго подхода предполагало «относительно более высокий уровень технической грамотности рабочих; к тому же возможность стахановских методов первого поколения (особенно в производственных цехах) еще не была использована до конца» [12, с. 80].

Рассуждения В. А. Сахарова относились к более общей проблеме реконструкции советских предприятий на основе передового мирового и отечественного опыта. Однако очевидно, что стахановцы не могли выступать носителями научно-технической мысли, а также организаторами производственных процессов. Собственно, это обнаруживалось при переходе к систематической стахановской работе целых коллективов заводов и фабрик. А такие попытки предпринимались в отрасли уже со второй половины ноября 1935 г., когда на работу по-стахановски были переведены сборочные конвейеры Харьковского и Сталинградского тракторных заводов [12, с. 81]. Правда, возможности коллективной стахановской работы были с самого начала ограничены. Для этого попросту не существовало производственной основы, в частности в отношении работы смежников, вспомогательных цехов и т.д. Это же в полной мере относилось к организации стахановских смен, суток, декад и месячников. «Стало ясно, что стремительной «атакой» поставленной цели не достичь, что для этого необходимо не столь быстрое, но более систематическое, планомерное «наступление», в ходе которого будет проведена необходимая организационно-техническая перестройка производства и накоплен большой опыт стахановской работы цехов и заводов» [12, с. 85]. Понятно, что стахановское давление на производственные процессы имело свои пределы. Уже в 1936-37 гг. обозначилось сокращение общего количества стахановских коллективов, а наиболее распространенной формой коллективной стахановской работы стала организация стахановских декад, месячников и т.п. Автор констатировал и стабилизацию удельного веса стахановцев в отрасли на уровне 24 – 36 % от всего количества всех рабочих [12, с. 96].

В целом же, полагал исследователь, стахановское движение помогло автотракторной промышленности выполнить напряженные планы 1935, 1936, 1937 гг. Однако это выполнение все же потребовало большей, чем прежде, интенсивности труда. Как замечал В. А. Сахаров, повышенные нормы выработки 1936 г. не выполнялись от 18 до 40 % рабочих. Причем среди рабочих, освоивших новые нормы, около 50 % выполняли их лишь в пределах нормы – на 100 – 125 % [12, с. 103]. То есть главное, в русле авторского понимания проблемы, заключалось в том, что стахановское движение стало важным фактором повышения интенсивности труда в предвоенные годы. Достижения передовых рабочих становились нормированным ориентиром для всех советских рабочих, а это предполагало проведение в жизнь целого комплекса экономических, технических и организационных мероприятий, в совокупности повысивших общий уровень эффективности советского производства.

Таким образом, стахановское движение, как одно из ключевых явлений советского производства, стало предметом изучения нескольких поколений советских историков. Если первоначально, по живым следам, акцент ставился на внешнем описании стахановского движения и его общих чертах, то в монографиях конца тридцатых годов (И. И. Кузьминов, О. А. Ерманский) предметом анализа уже становились непростые вопросы его включения в работающие механизмы советского производства. Были раскрыты главные слагаемые успешного сдвига в производственной культуре этого периода – рост технической вооруженности труда и его организации, повышение технической грамотности рабочих, развитие и поощрение их технического творчества. Вместе с тем, были обозначены и крупные проблемы, связанные с развитием движения. Нередко стахановская работа не охватывала всего производственного процесса, нарушала устойчивый ритм производства. К тому же, как справедливо писал О. А. Ерманский, за внешним вниманием к стахановскому движению могла скрываться так называемая «линия наименьшего сопротивления», то есть инициировался процесс мускульной интенсификации труда через механическое повышение норм выработки.

Конечно, значительная часть историков 50 – 60-х гг. видели свою задачу в том, чтобы обозначить главные, имеющие идеологическое значение, черты движения, показать их преломление на региональном материале, подчеркнуть роль партийного руководства. Вместе с тем, в восьмидесятые годы пробуждается интерес к более общим вопросам стахановского движения. Так, С. Р. Гершберг показал его непростую эволюцию, позволившую в конечном счете повысить производительность труда за счет разделения труда и общего увеличения актуального рабочего времени. В свою очередь В. А. Сахарову удалось конкретизировать ряд ключевых проблем стахановского движения, которые приходилось исправлять в дальнейшем: «пережим» в повышении норм, неоправданное расширение сверх определенной меры прогрессивно-сдельной формы оплаты, рекордсменство. Фактически автор подходил к более фундаментальному выводу о том, что стахановское движение кардинально не могло изменить общие недостатки советского производства: слабую техническую основу, недостатки снабжения, общую низкую культуру производства. Тем не менее, исходя из принципа историзма, В. А. Сахаров справедливо подчеркивал, что стахановское движение стало важным фактором повышения интенсивности труда в предвоенные годы. Ведь предстоящая война, как мы знаем, потребовала особого напряжения труда.

Список источников и литературы

1. *Войтович В. Ю. Зарождение стахановского движения – путь к социально-экономическому развитию России (на материалах Удмуртии) // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 1. С. 13–19.*
2. *Гершберг С. Р. Стаханов и стахановцы. 2-е изд. М.: Политиздат, 1985. 208 с.*
3. *Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. М.: СОЦЭКГИЗ, 1940. 372 с.*
4. *Кузьминов И. И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М.: СОЦЭКГИЗ, 1940. 220 с.*
5. *Лень П. М. Алексей Стаханов. Взлёт и забвение. Тула: Гриф и К, 2006. 450 с.*
6. *Миргородова Ю. М. Стахановское движение на предприятиях свеклосахарной промышленности Курской области в 1933 – 1940 гг. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 5 (81). С. 95–99.*
7. *Невзорова И. В. Что значит работать «по-стахановски»? О критериях стахановского труда (на материалах Оренбургской области) // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб.*

- ст. междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2020. Т. 1. С. 232–236.
8. Нефедьев Н. История возникновения стахановского движения // Исторический журнал. 1941. № 1. С. 31–41.
 9. Романов Р. Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941 – 1945 годов (на материалах сибирского военпрома) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 69–80.
 10. Рябикин С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935 – 1938 гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 1 (3). С. 201–210.
 11. Рябикин С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения 1935 – 1938 гг. [Окончание] // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 2 (4). С. 196–206.
 12. Сахаров В. А. Зарождение и развитие стахановского движения (на материалах автотракторной промышленности). М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1985. 121 с.
 13. Селицкий В. Начало стахановского движения в Ленинграде (сентябрь–ноябрь 1935 г.) // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 28–56.
 14. Стаханов А. Г. Рассказ о моей жизни. М.: СОЦЭКГИЗ, 1937. 189 с.
 15. Хабибулина Р. Я. Ленинградские коммунисты – организаторы стахановского движения. (1935 – 1937 гг.). Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 171 с.
 16. Хлевнюк О. В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. Т. 56, № 3. С. 71–80.
 17. Чемоданов П. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65), ч. 1. С. 190–194.
 18. Чигринов Г. А. Социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности Москвы и Московской области в 1939 – 1941 годах // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 3–29.

References

1. Voytovich V. Iu. Zarozhdeniye stakhanovskogo dvizheniya – put' k sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu Rossii (na materialakh Udmurtii). [The birth of the stakhanovite movement – a way to socio-economic development of Russia (on materials of the Udmurt Republic)] *Nauchnoe obozreniye. Ekonomicheskiye nauki* [Scientific Review. Economic Sciences]. 2017. Pp. 13–19. [In Russian].
2. Gershberg S. R. *Stakhanov i stakhanovtsy*. [Stakhanov and the Stakhanovites]. Ed. 2. Moscow: Plitizdat publ, 1985. 208 p. [In Russian].
3. Ermanskiy O. A. *Stakhanovskoye dvizheniye i stakhanovskiye metody*. [The Stakhanov movement and Stakhanov methods]. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izd-vo publ, 1940. 372 p. [In Russian].
4. Kuz'minov I. *Stakhanovskoye dvizheniye – vysshiy etap sotsialisticheskogo sorevnovaniya*. [The Stakhanov movement is the highest stage of the socialist competition]. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo publ, 1940. 220 p. [In Russian].
5. Len' P. M. *Aleksey Stakhanov. Vzlet i zabveniyeye*. [Alexey Stakhanov. Rise and oblivion]. Tula: Grif i K publ, 2006. 450 p. [In Russian].

6. Mirgorodova Yu. M. Stakhanovskoye dvizheniye na predpriyatiyakh sveklosakharnoy promyshlennosti Kurskoi oblasti v 1933 – 1940 gg. [The Stakhanov movement at the enterprises of the sugar beet industry of the Kursk region in 1933 – 1940]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific notes of RSSU]*. 2010. No. 5 (81). Pp. 95–99. [In Russian].
7. Nevzorova I. V. Chto znachit rabotat' "po-stakhanovski"? O kriteriyakh stakhanovskogo truda (na materialakh Orenburgskoy oblasti). [What does it mean to work "in the Stakhanov way"? About the criteria of Stakhanov labor (based on the materials of the Orenburg region)]. *Desiatyye Bol'shakovskiye chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2 vols. Ed. by S. V. Lyubichankovskiy. 2020. Pp. 232–236. [In Russian].
8. Nefed'ev N. Istoriya vozniknoveniya stakhanovskogo dvizheniya. [The history of the formation of the Stakhanov movement]. *Istoricheskiy zhurnal*. 1941. No. 1. Pp. 31–41. [In Russian].
9. Romanov R. E. Arkhetip, traditsiya, modern: fenomen stakhanovskogo truda 1941–1945 godov (na materialakh sibirskogo voenproma) [Archetype, Tradition, Modern: the Phenomenon of Stakhanov's Work 1941 – 1945 (Based on the Materials of the Siberian Military Industry)]. *Historical Courier (Istoricheskiy Kurier)*. 2020. No. 1 (9). Pp. 69–80. [In Russian].
10. Ryabikin S. P. Ekonomicheskoye i politicheskoye sodержaniye stakhanovskogo dvizheniya. [Economic and political content of the Stakhanov movement]. *Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 1997. Vol. 1(3). Pp. 201–210. [In Russian].
11. Ryabikin S. P. Ekonomicheskoye i politicheskoye sodержaniye stakhanovskogo dvizheniya. [Economic and political content of the Stakhanov movement]. *Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 1997. Vol. 2(4). Pp. 196–206. [In Russian].
12. Sakharov V. A. Zarozhdeniye i razvitiye stakhanovskogo dvizheniya (Na materialakh avtotraktornoy promyshlennosti). [The origin and development of the Stakhanov movement (Based on the materials of the automotive industry)]. Moscow: Izdatel'stvo MGU imeni M. V. Lomonosova publ, 1985. 121 p. [In Russian].
13. Selitskiy V. Nachalo stakhanovskogo dvizheniya v Leningrade (sentyabr'-noyabr' 1935 g.). [The beginning of the Stakhanov movement in Leningrad (September-November 1935)]. *Voprosy istorii*. 1951. No 11. Pp. 28–56. [In Russian].
14. Stakhanov A. G. Rasskaz o moyey zhizni. [The story of my life]. Moscow: SOTS'EKGIZ publ, 1937. 189 p. [In Russian].
15. Khabibulina R. Ya. Leningradskie kommunisty – organizatory stakhanovskogo dvizheniya. (1935 – 1937 gg.) [Leningrad Communists – organizers of the Stakhanov movement]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta publ, 1961. 171 p. [In Russian].
16. Khlevnyuk O. V. Stalinskiy period sovetskoy istorii. Istoriograficheskiye tendentsii i nereshennyye problemy [The Stalinist period of Soviet history. Historiographical trends and unsolved problems]. *"Ural'skiy istoricheskiy vestnik" ("Ural Historical Journal")*. 2017. Pp. 71–80. [In Russian].
17. Chemodanov P. A. Sovetskiy stakhanovets vtoroy poloviny 1930-kh godov kak kul'turno-psikhologicheskii tip. [The Soviet Stakhanovite of the second half of the 1930s as a cultural-psychological type]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culture and Art Study. Theory and Practice Matters]*. Tambov: Gramota publ, 2016. No 3(65): 2 parts. Part 1. Pp. 190–194. [In Russian].

18. Chigrinov G. A. Sotsialisticheskoye sorevnovaniye i stakhanovskoye dvizheniye v promyshlennosti Moskvy i Moskovskoy oblasti v 1939 – 1941 godakh. [Socialist competition and the Stakhanov movement in the industry of Moscow and the Moscow region in 1939 – 1941]. *Voprosy istorii*. 1952. No 6. Pp. 3–29. [In Russian].

Дата поступления статьи: 17.04.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 17.04.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторах

Володин Сергей Филиппович,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социальных наук ФГБОУ ВО
«Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: volodin93@yandex.ru).

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории и археологии ФГБОУ ВО
«Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: volodina.tatiana2016@yandex.ru).

Information about the Authors

Volodin Sergey Filippovich,
PhD in History, Associate Professor,
Chair of Social Sciences,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: volodin93@yandex.ru).

Volodina Tatyana Andreevna,
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: volodina.tatiana2016@yandex.ru).